

МАКСИМ БУТЧЕНКО

ТРИ ЧАСА
БЕЗ
ВОИНЫ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2016

2016 год

Вместо предисловия

Эхо Донбасской войны еще долго будет звучать в наших ушах. Мы войну еще не переварили, не свыклись с мыслью, что она вообще была. Не разделили время — «до» и «после». Застряли в безвременье, там, где нет мира, спокойствия, но нет и масштабных боевых действий. Мы повисли в вакууме, в котором все еще раздаются взрывы, но их отзвуки к нам не доносятся. Мы словно находимся на другой части Галактики, усиленно имитируем мирную жизнь, в которую метеоритами врезаются вести о новых погибших. Нам еще нужно встретиться с войной — серьезно осознать, что она шла и идет параллельно. А потом необходимо дожить до ее окончания. Но не в физическом мире, а в мире солдатских душ, там, где еще десятилетиями боевые товарищи будут умирать на руках, а взрывы — разносить останки тел по полю, смешивая их с донбасской грязью. Нам еще придется пройти по степи, на которой когда-то растекались лужи крови. Крови с обеих сторон. Даже не так — сторон окажется больше. И каждый год мы будем открывать новые грани в произошедшей трагедии, чтобы однажды проговорить все слова, которые должны быть сказаны.

Эта книга основана на реальных событиях в жизни, на первый взгляд, разных людей. В центре сюжета — три человека, которым пришлось сначала стать жерт-

вами, чтобы потом стать убийцами. Именно они понесли бремя победы и ощутили радость наказания. А все для того, чтобы в определенный, можно даже сказать — исторический, момент оказаться неизвестным числом x в уравнении с тремя известными значениями — Киевом, Донецком и Москвой.

Глава 1

В тюремной камере с острым визгом открылась зеленая железная дверь, покрытая тонкими трещинами, словно старческими морщинами. Дневной свет, будто заскучавший пес, ворвался в темный коридор и облизал измученное лицо Ильи Кизименко.

Двадцатисемилетний коренастый мужчина с прямым носом, широким подбородком и взлохмаченными волосами глянул внутрь камеры — синие двухъярусные кровати, по-местному — шконки, стояли, пришвартованные к бокам помещения. Маячащий за спиной Кизименко пожилой пузатый охранник недовольно засопел, его подопечный остановился как вкопанный у порога, замер на несколько секунд, осматривая камеру, а потом шагнул вперед. Стены были покрашены ровно до половины зеленоватой краской, которая выцвела, кое-где вздулась пузырями, лопнула и обнажила синевато-оливковое заплесневевшее чрево. Оставшаяся часть стен и потолок были побелены, правда, так давно, что сереющая отталкивающая плесень проступила, словно пятна сыпи, на их поверхности, сожрала белизну на углах и, словно нарисованная черная бездна, уходила куда-то за пределы тюрьмы. Илья, которому до сих пор не верилось, что он оказался здесь, нерешительно подошел к окну. Черные, будто обгоревшее дерево, прутья решетки окна разделяли уличный свет на маленькие квадраты, и тот распластался в пыльном воздухе, еле покачиваясь из стороны в сторону. За-

ключенный медленно прошел туда-сюда, измеряя помещение шагами, — ровно шесть с половиной.

— Теперь моя жизнь измеряется не годами, а тремя метрами, — сказал он тихо.

Еще год назад Илья воевал и не мог представить, что когда-нибудь попадет в киевский Лукьяновский СИЗО. Если бы на Донбассе под обстрелом «Града» ему показали будущее, то он, наверное, сгорел бы от стыда. В нем всегда проявлялось повышенное чувство справедливости и самоирония. Однажды, когда их накрывала артиллерия, молодые бойцы лежали с бледными лицами, молчали. А Илья, наоборот — тархтел без умолку, посмеивался над товарищами.

— Это у тебя защитная реакция такая, — сказала ему молоденькая медсестра Настя. — Ты самое сложное, что происходит в мире, — ожидание смерти — сводишь к самому простому — смеху. Так защищаешься.

— Та ладно, Настёна, что ты так серьезно? Моя жизнь, как помятая копейка, мало кому нужна, — как обычно с улыбкой отвечал он.

Подобные беседы почти всегда случались после бомбежек и обстрелов. Как-то солдаты сидели в окопе, вечерело. Илья курил, пускал по ветру дым, который на секунду вздымался белым драконом над землей, а потом в судорогах расплзался на части. А затем каждая из этих частей разделялась на более мелкие рваные кусочки, а те — на еще более крошечные. И всё. Воздух снова чист. Это движение частиц развлекало Илью, напомидало человеческое существование: оно как бы появилось из ниоткуда и в какой-то момент начало распадаться на невесомые лоскутки.

И тут к нему приблизилась Настя — худенькая белокурая двадцатидвухлетняя девушка небольшого рос-

та. Она пробиралась извилистыми окопами к другому концу укрепрайона. Боец залюбовался медсестрой. На фоне сырой земли, с оттенками самой мрачной ночи, ее светлые волосы порхали, будто пламень с небес. А познакомились они гораздо раньше, на Евромайдане. Когда события в центре Киева приобрели размах, Настя из Житомира приехала в столицу. Месяц ночевала в палатках, недосыпала, недоедала. Как-то вечером, когда огонь подожженных баррикад подступал к оборонительной линии, начала помогать раненым. Вокруг шастали какие-то люди, на сцене еще находились протестующие — что-то пели, говорили. Стоял невообразимый шум: голодными волками выли сирены, воздух крошился от взрывающихся фейерверков, раздавались возгласы майдановцев и тут же тонули в общем гаме. Казалось, ораторов на сцене уже давно никто не слушал, а те и не старались донести свои речи до людей — кричали в небеса. Небо, словно накрытое черной шубой, отчаянно мигало звездами, как бы выстукивая протестующим на Майдане ответ азбукой Морзе: «Продержаться еще один день». И держались. Наперекор пламени и дыму.

Первая линия обороны постоянно редела, а потом вдруг появлялись новые люди. Их было немного — редкая ограда из человеческих тел, которые двигались, копошились, падали замертво. И тут снова возникали другие, будто воскресали мертвецы. Картина апокалипсиса.

В какой-то момент Илья оказался на передовой, сам не понимая как. Он подбежал к линии защиты, состоявшей из снега, разбитых лавочек, железных прутьев, воткнутых в пузатый живот сугроба, и на мгновение остановился, прежде чем кинуть «коктейль Молотова». В ту же секунду его ранило выстрелом «беркутовца» — пуля полоснула плечо, оставила кровавый след.